

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
Ф43

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Фергюсон, Ниал

Ф43 Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook / НИАЛ ФЕРГЮСОН; пер. с англ. ТАТЬЯНЫ АЗАРКОВИЧ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2020. — 736 с.

ISBN 978-5-17-109384-6

“Мы живем в мире, объединенном в сеть, — так, по крайней мере, нам постоянно твердят”. Зримое воплощение любой сети — городская площадь. Башня ратуши — символ иерархии, структуры традиционного общества, где невозможны случайные взаимодействия. На поверку же оказывается, что любая иерархия — это разновидность сети. Более того, сеть может переродиться в иерархию, а иерархия может пасть под натиском мощной сети.

Британский историк Ниал Фергюсон в новой книге на обширном материале показывает взаимодействие сетей и иерархий с древности до наших дней. Сети, связывающие людей, всегда имели большое значение, но ускользали от внимания историков, сосредоточенных на иерархиях. Две “сетевые эпохи” нарушили многовековое господство иерархии в устройстве общества. Первая началась с появлением книгопечатания, вторая — с развитием информационных технологий, появлением интернета. Время сетей — это всегда время революций, трансформаций, творчества, а также новых опасностей и вызовов, таких как глобализация, массовые миграции, мировой терроризм, социальная и политическая поляризация общества.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-109384-6

- © Niall Ferguson, 2017. All rights reserved
- © Т. Азаркович, перевод на русский язык, 2020
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020
- © ООО “Издательство АСТ”, 2020
Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Предисловие. Историк и сети</i>	11
--	----

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ. СЕТИ И ИЕРАРХИИ

Глава 1. Тайна иллюминатов	25
Глава 2. Наш сетевой век	35
Глава 3. Сети, сети повсеместно	43
Глава 4. Почему иерархии?	51
Глава 5. От семи мостов до шести рукопожатий	55
Глава 6. Слабые связи и вирусные идеи	63
Глава 7. Разновидности сетей	71
Глава 8. Когда сети встречаются	78
Глава 9. Семь наблюдений	84
Глава 10. Проливая свет на иллюминатов	88

ЧАСТЬ II

ПРАВИТЕЛИ И ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

Глава 11. Краткая история иерархии	101
Глава 12. Первый сетевой век	110
Глава 13. Искусство ренессансной сделки	113
Глава 14. Первооткрыватели	117
Глава 15. Писарро и инки	125
Глава 16. Когда Гутенберг встретился с Лютером	131

ЧАСТЬ III
ПИСЬМА И ЛОЖИ

Глава 17. Экономические последствия Реформации	145
Глава 18. Обмен идеями	148
Глава 19. Сети Просвещения	157
Глава 20. Сети революции	164

ЧАСТЬ IV
РЕСТАВРАЦИЯ ИЕРАРХИИ

Глава 21. “Красное и черное”	183
Глава 22. От толпы к тирании	187
Глава 23. Восстановленный порядок	193
Глава 24. Саксен-Кобург-Готская династия	199
Глава 25. Династия Ротшильдов	204
Глава 26. Промышленные сети	213
Глава 27. От пентархии к гегемонии	221

ЧАСТЬ V
РЫЦАРИ “КРУГЛОГО СТОЛА”

Глава 28. Имперская жизнь	227
Глава 29. Империя	232
Глава 30. Тайпинское восстание	245
Глава 31. “Пускай китайцы убираются”	252
Глава 32. Южно-Африканский Союз	259
Глава 33. “Апостолы”	268
Глава 34. Армагеддон	278

ЧАСТЬ VI

МОРОВЫЕ ПОВЕТРИЯ И ДУДОЧНИКИ-ИСКУСИТЕЛИ

Глава 35. “Зеленый плащ”	289
Глава 36. Чума	305
Глава 37. Вождизм	317
Глава 38. Падение “золотого интернационала”	322
Глава 39. Кружок пятерых	334
Глава 40. Короткая встреча	348
Глава 41. Элла в исправительном доме	358

ЧАСТЬ VII

КТО ХОЗЯИН В ДЖУНГЛЯХ

Глава 42. Длительный мир	375
Глава 43. Генерал	378
Глава 44. Кризис сложности	387
Глава 45. Генри Киссинджер и его властная сеть	397
Глава 46. В долину	416
Глава 47. Падение Советской империи	426
Глава 48. Триумф человека давосского	432
Глава 49. Разорение Банка Англии	438

ЧАСТЬ VIII

“ВАВИЛОНСКАЯ БИБЛИОТЕКА”

Глава 50. 11.9.2001	461
Глава 51. 15.9.2008	472
Глава 52. Административное государство	480

Глава 53. <i>Web 2.0</i>	485
Глава 54. Распад на части	497
Глава 55. Революция через <i>Twitter</i>	504
Глава 56. 9.11.2016	523

ЧАСТЬ IX

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

КОГДА УГРОЖАЕТ КИБЕРСИБИРЬ

Глава 57. Метрополис	539
Глава 58. Отказ сети	544
Глава 59. FANG, VAT и Евросоюз	566
Глава 60. Возвращение площади и башни	576

<i>Послесловие.</i> Изначальные площадь и башня: сети и иерархии в Сиене эпохи треченто	585
--	-----

<i>Приложение.</i> Построение графов социальных сетей в эпоху Никсона — Форда	595
--	-----

<i>Примечания</i>	601
<i>Библиография</i>	651
<i>Список иллюстраций</i>	698
<i>Список иллюстраций во вклейке</i>	702
<i>Указатель</i>	704

*Если бы я нарушил [молчание], силы покинули бы
меня; но, пребывая в покое, я держал врага
в невидимых сетях.*

Джордж Макдоналд

Предисловие Историк и сети

Мы живем в мире, объединенном в сеть, — так, по крайней мере, нам постоянно твердят. Само слово “сеть” (*network*), почти не использовавшееся в этом отвлеченном значении до конца XIX века, сегодня используется слишком часто — и как существительное, и как глагол. Честолюбивый молодой инсайдер всегда готов пойти на очередную вечеринку, даже среди ночи, лишь бы пообщаться в своей “сети”. Пускай даже клонит в сон — страх что-то упустить пересиливает. А вот для старого брюзги, находящегося вне такой системы взаимоотношений (аутсайдера), это слово нагружено другими смыслами. У него растут подозрения, что весь мир контролируют могущественные и закрытые сети: банкиры, истеблишмент, система, евреи, масоны, иллюминаты. Почти все, что пишется в этом духе, — полная чепуха. И все же трудно поверить, что конспирологи проявляли бы такое упорство, если бы подобных сетей не существовало вовсе.

Проблема сторонников теорий заговора в том, что, подобно обиженным аутсайдерам, они вечно неверно понимают и неверно толкуют способ действия сетей. В частности, они обычно полагают, что органы власти — тайно и всецело — находятся под контролем элитных сетей. Мое исследование, да и повседневные наблюдения говорят, что это не так. Наоборот, нефор-

мальные сети обычно находятся в крайне неоднозначных и порой даже враждебных отношениях с официальными государственными учреждениями. А вот профессиональные историки до совсем недавних пор, напротив, или вовсе не интересовались ролью сетей, или, по крайней мере, преуменьшали ее. Даже и сегодня большинство историков из академической среды занимаются лишь теми организациями, которые создавали и сохраняли архивы, как будто те объединения, от которых не осталось никаких документальных свидетельств, можно вовсе не учитывать. Опять-таки мои исследования и жизненный опыт научили меня остерегаться тирании архивов. Зачастую самые большие исторические перемены происходили благодаря деятельности неформально объединенных групп людей, почти не оставивших какой-либо документации.

Эта книга рассказывает о неравномерных колебаниях истории. Здесь проводятся разграничения между долгими эпохами, в течение которых в человеческой жизни господствовали иерархические структуры власти, и более редкими, но и более динамичными периодами, когда в более выгодном положении оказывались сети — отчасти благодаря изменениям в технологиях. Проще говоря, пока всем заправляет иерархия, твои возможности ограничиваются твоим положением на организационной лестнице государства, корпорации или иного вертикально устроенного учреждения. Когда же преимущество переходит к сетям, твои возможности определяются твоим положением внутри одной или нескольких горизонтально устроенных социальных групп. Как мы еще увидим, это противопоставление иерархии сетям является, конечно же, чрезмерным упрощением. И все же, приведя несколько примеров из своей биографии, я мог бы проиллюстрировать пользу этого противопоставления хотя бы как некоторой отправной точки.

В феврале 2016 года, в вечер того дня, когда я писал черновик этого предисловия, мне довелось побывать на презентации книги. Гости были приглашены в дом к бывшему мэру Нью-Йорка. Автором книги, ради которой мы собрались, был

обозреватель *Wall Street Journal* и в прошлом спичрайтер президента. Меня пригласил туда главный редактор *Bloomberg News*, которого я знал потому, что больше четверти века назад мы с ним учились в одном оксфордском колледже. На той вечеринке я поздоровался и коротко побеседовал еще с десятком людей, среди которых были: президент Совета по международным отношениям; руководитель *Alcoa Inc.*, одной из крупнейших американских промышленных компаний; редактор раздела комментариев *Journal*; ведущий канала *Fox News*; дама из нью-йоркского *Colony Club* и ее муж; и молодой спичрайтер, который представился мне, сказав, что читал одну из моих книг (а это, безусловно, правильный способ завязать беседу с профессором).

В каком-то смысле очевидно, почему я попал на ту вечеринку. Уже в силу того, что я поочередно работал в нескольких знаменитых университетах — Оксфордском, Кембриджском, Нью-Йоркском, Гарвардском и Стэнфордском, — я автоматически сделался участником множества сетей университетских выпускников. А так как я еще и писатель и преподаватель, я принадлежу к нескольким экономическим и политическим сетям вроде Всемирного экономического форума и Бильдербергского клуба. Я состою членом трех лондонских клубов и одного нью-йоркского. А еще в настоящее время я вхожу в правление трех корпоративных организаций — одной всемирной компании по управлению активами, одного британского аналитического центра и одного нью-йоркского музея.

И все же, несмотря на столь неплохие связи, я не обладаю практически никакой властью. На той вечеринке был любопытный момент: бывший мэр, произнося короткую приветственную речь, воспользовался случаем намекнуть (без особого энтузиазма) на то, что он подумывает вступить в качестве независимого кандидата в борьбу за пост президента США. Но я, как гражданин Великобритании, не мог бы даже голосовать на этих выборах. И даже моя поддержка никак не помогла бы ни ему, ни любому другому кандидату. Потому что, как историк и на-

учный работник, в глазах подавляющего большинства американцев я совершенно оторван от реальной жизни простых людей. В отличие от моих бывших коллег по Оксфорду, я не контролирую процесс приема студентов в бакалавриат. Преподавая в Гарварде, я мог ставить своим студентам хорошие или средние баллы, но, в сущности, не обладал правом отчислить даже самых слабых из них. Когда на голосование ставился вопрос о присуждении научной степени, у меня был всего один голос из многих: опять-таки никакой власти. У меня есть некоторые полномочия в отношении сотрудников моей консультативной фирмы, но за пять лет я уволил в общей сложности одного человека. У меня четверо детей, но мое влияние (о власти здесь говорить не приходится) на троих из них минимально. Даже младший — ему пять лет — уже учится оспаривать мой авторитет.

Словом, я человек, далекий от иерархий. Я больше тяготею к сетям — таков мой собственный выбор. Еще студентом я радовался тому, что в университетской жизни так мало стратификации и много хаотично организованных обществ. Во многие я вступал и в нескольких нерегулярно появлялся. В Оксфорде у меня было два любимых увлечения: игра на контрабасе в джазовом квинтете — коллективе, который по сей день гордится тем, что у него нет руководителя, — и участие в заседаниях маленького консервативного дискуссионного клуба под названием *Canning**. Я сделал выбор в пользу науки, потому что, когда мне было слегка за двадцать, я категорически предпочитал свободу деньгам. Видя, как мои сверстники и их отцы работают на традиционные, вертикально управляемые организации, я внутренне содрогался. Наблюдая за оксфордскими профессорами, моими преподавателями — членами средневекового университетского братства, гражданами древней республики ученых, владыками своих кабинетов, уставленных книгами, — я испытывал неудержимое желание неторопливо следовать по их стопам. Когда оказалось, что работа ученого оплачива-

* Консервы (англ.). (Прим. ред.)

ется куда менее щедро, чем хотелось бы женщинам, появившимся в моей жизни, я стал искать дополнительный заработок, но при этом избегал унижительной “настоящей работы”. Будучи журналистом, я предпочитал оставаться фрилансером или, по крайней мере, иметь неполную занятость, желательно в качестве обозревателя на гонораре. Обратившись к радио и телевидению, я выступал как независимая сторона, а позже основал собственную продюсерскую компанию. Предпринимательство вполне соотнобразовывалось с моей любовью к свободе, хотя я бы сказал, что создавал компании, желая не столько разбогатеть, сколько не утратить свободу. Больше всего мне нравится писать книги на интересующие меня темы. Лучшие идеи — история банков семьи Ротшильд, карьера Зигмунда Варбургга, биография Генри Киссинджера — приходили ко мне по каналам моей сети. Лишь недавно я осознал, что это еще и книги *о сетях*.

Некоторые мои сверстники стремились к богатству. Мало кто из них добивался этой цели, не попав хотя бы ненадолго в кабалу — чаще всего работая на банк. Другие стремились к власти. Они тоже поднимались по партийной лестнице и, должно быть, сегодня сами с удивлением вспоминают пережитые унижения. Разумеется, и в академическом кругу новичку приходится в первые годы мириться с тем, что мало кто с ним считается, но это — ничто по сравнению с участием стажера в *Goldman Sachs* или рядового агитатора-добровольца в штабе проигрывающего кандидата от оппозиционной партии. Вступить в иерархию — значит покориться, по крайней мере поначалу. Однако несколько моих однокурсников по Оксфорду дослужились до высоких постов — сегодня они уже министры или руководители влиятельных ведомств. От их решений напрямую зависит перемещение миллионов — если не миллиардов — долларов, а порой даже судьба целых стран. Жена одного оксфордского выпускника, моего ровесника, выбравшего политическую карьеру, однажды посетовала, что у него слишком длинный рабочий день, никакого личного пространства, низкая зарплата и редко бывает отпуск, а еще он не защищен